

РАЗНИЦА ВО ВРЕМЕНИ

К 100-летию Ю. М. Магалифа

Биография часто становится для писателя источником его творчества. Особенно героическая, связанная с лишениями, тяготами, репрессиями, войной. Ю. Магалиф как человек трудной судьбы мог бы стать автором объемных романов-эпопей, подобно В. Гроссману или А. Солженицыну. Однако «оттепельное» время 50-60-х гг. побудило Ю. Магалифа создавать не серьезную «взрослую» прозу, как, например, новосибирца В. Сапожникова, а малую, связанную с современностью, или детскую прозу. Но, по сути, разница между первыми сказками — «Приключениями Жакони» и «Бибишкой...», и прозой для взрослых только в адресованности читателю. Ибо в «Жаконе» нет фантастики, обезьянка так и остается тряпичной, не оживая и не переходя границ реальности. С другой стороны, герои «Караярских рассказов» выглядят персонажами какой-то иной реальности, где царят добрые намерения и чувства, люди — честные, работающие, профессиональные. Они не просто члены одного коллектива, а жители какой-то особой страны под вымышленным названием «Караяр». Дополнительное ощущение этой необычности придает национальный — татарский, колорит, добавляя ощущение чего-то детского, праздничного, карнавального. Неслучайно мальчишки-татары играют такую важную роль в ранней повести Ю. Магалифа «Путешествие не окончится».

В сравнении с этими светлыми, оптимистическими произведениями повесть «Документальное кино» выглядит безрадостной, почти мрачной. Это впечатление исходит от главного героя повести Сергея Егорова, снимающего нелюбимое кино за гонорар. Не добавляют светлых красок и соратники Егорова по фильму: оператор Покатаев хамоват и малопрофессионален,

красавица актриса Савельева оказывается карьеристкой, а талантливая певица Николина как-то вызывающе некрасива. Положительные звуковик Фабрицкий, монтажница Желткова, партийный работник Лебедев не превышают уровня хороших, порядочных людей, и не более того. Небольшая повесть «Продается изба» выглядит не столь безрадостно, благодаря главе семейства Федосье Ивановне и ее детям, особенно цельному, уверенному в себе Петру, приверженному родной деревне. И вновь характерная деталь: в жилах Федосьи Ивановны течет вместе с русской и татарская кровь, как и в ее детях. «Татарская кровь — она сильная», — пишет автор, словно в залог оптимистического финала. На прозе Ю. Магалифа лежит явный отпечаток своего времени. Во-первых, эпохи безусловного реализма, и это очевидно в первой же книге писателя «Рассказы». Во-вторых, это годы крушения «оттепели» и усиления идейных требований к литературе и отражения современности. Отсюда у Ю. Магалифа темы «народности» в искусстве, «деревенская» и антирелигиозная. Как в повести «Что в сердце твоём?», где важное место отведено бывшему священнику Промтову, вокруг которого так или иначе складываются судьбы писателя Шайдурова и учительницы Захарченко.

И только поэзия оказывается ближе, роднее других жанров Ю. Магалифу: только с ее помощью он может преодолеть время, эпоху и биографию свою и страны. Отсюда и не увесистые «кирпичи» романов-эпопей, а маленькие, подчеркнуто небольшие, «карманного» формата книжечки стихов. Уже одним этим Ю. Магалиф говорит своим читателям о том, что ему ценнее запечатлеть движения души, нюансы пережитого, а не «ваять» эпохальные сюжеты и полотна. Его поэзия проста и понятна, не обременена рассуждениями, психологизмом, публицистикой, политизированностью. В своей поэзии Ю. Магалиф остается артистом, стремящимся к пластичности, вплоть до изящности выражения, краткости, вплоть до афористичности. И потому на второй план отходят история и «политика», а на первый выдвигается личность, в которой богатство и разнообразие восприятия неотрывно от его словесного выражения. Здесь артистичность сочетается с реалистичностью не просто в меру, а едва ли не с математической точностью впечатления, что сродни петербургской поэтике акмеистов Серебряного века, особенно Анны Ахматовой. Поэтому в стихотворении «Эстафета» о дате похорон Ленина из первого поэтического сборника поэта больше запоминается «старик-эстонец», везущий «меня и маму на хутор», чем сама дата и

явно присочиненный официозный финал. В стихотворении «Детство» шашка товарища Быкова ассоциируется для его юного героя со «сказками Андерсена и Дядюшкой Римусом», чем со «сражением за правое дело». Даже в сугубо идеологическом стихотворении «Военная игра» его правоверный советский тон уравнивается иронической строкой о «маршрутах от Ржева до Луны» и многозначной о том, что «юность начинается / Невиданной длины».

Словно в развитие этого риторического образа у Ю. Магалифа появляется образ метафорический — «летающей минуты» из одноименного стихотворения. Он связан с придуманной однажды вместе с «балтийским морячком» песней-«пустячком», «мотивом», который, однако, связал две эпохи: военную и послевоенных 50-х гг., когда герой едет «с гитарой и баяном» в колхоз. Эта «Летающая Минута», «что продлевает время и возвышает нас», выражает артистическое отношение к Времени и Пространству, отношение человека искусства, для которого минута, если она «летающая», музыкальная, важнее целых исторических эпох. Именно такое, «минутное» восприятие прожитого и пережитого, своей жизни и ее событий, биографии в целом и породило феномен поэзии Ю. Магалифа — краткой, ясной, но с «уколами» острых чувств и впечатлений, эпизодов, «кадров». Потому и так бросается в глаза обилие цифр и численных обозначений в стихотворениях, как правило, у Ю. Магалифа лирических. Так, и в «Летающей минуте» он пишет не о 50-х годах вообще, а конкретно: «в пятьдесят четвертом». В следующем стихотворении о любви вновь цифры: «ей навсегда семнадцать лет», «я с нею сорок лет дружу». И даже на высшем пике эмоций — известии о конце войны, заставшего поэта на выступлении в клубе, он не забывает сосчитать: «Пять слов, произнесенных мной когда-то: / Конец войне! Сегодня взят Берлин!» Это чувство меры, благородная акмеистичность ленинградского сибиряка Ю. Магалифа сочетается с тем же «акмеистическим» вниманием к вещам, предметам как вещественным знакам пережитого, «сигнализирующим» о тех или иных чувствах. Так, в стихотворении «Елизаветино», где поэт провел детство, он вспоминает «розовые камни», «тропинку за ольхою» и далее: «Тут был столбик, там канавка, / Там аллея из осин; / Здесь была когда-то лавка / «Бакалея, керосин». И неременная цифра: «А за третьим поворотом / Жил эстонец Гуго Сепп». Сам Ю. Магалиф в этом первом сборнике стихов еще снисходителен к этим перечислениям: «Эти знаки, эти лица — /

Все пустяк и небылица, / Вроде воздуха в руке... // Пусть хоть что-то сохранится — / Не строкою на странице, / А пробелами в строке...».

В своем последнем предсмертном сборнике «Солнечные часы» Ю. Магалиф словно стремится заполнить эти пробелы, с особой зоркостью созерцая окружающее и не деля впечатления на «пустячки» и нечто судьбоносное: «Каждый снимок-пустячок; / Это просто — чтобы время / Ухватить за пиджачок». «Чувства, мысли, — пишет он далее, — замелькали», «без запретов и границ... / Век двадцатый в этом смысле / Не столетие, а «блиц»» («С фотокамерой»). В другом стихотворении настроение, точка зрения блица сменяется философским размышлением о соотносительности малого и большого, «зеленого жемчуга листьев осины придорожной» и «законов мироздания», в которые она и посвящает поэта. Это настроение торжественной, хотя и внешне обыденной причастности к Высшему, посвящения во что-то небесное, Божественное, в этой книге главное. На это настраивает и возраст поэта, его болезнь, то и дело приковывающая его к больничной койке, но особенно — место, пространство, почти сакральное, куда он попал случайно — районный городок Тогучин и его окрестности.

Для Ю. Магалифа, как можно заметить, всегда важным было понятие пространства, становящегося ареалом обитания его и героев его произведений. И где это пространство-ареал было выбрано удачно, совпадая с пространством его души, то рождаются особо удачные рассказы, сказки, стихи. Так случилось с Жаконей и Караяром, так случилось и с Тогучином, ставшим пространством его закатной поэзии. Хотя трудно назвать так стихи, которые поэт объединил в книгу под названием «Солнечные часы». Собрав здесь лучшие свои стихи с 70-х гг. до 2000 г. — года своей смерти, Ю. Магалиф словно создал новый Караяр, с не менее татарским названием: Тогучин. Именно с этой, «тогучинской» точки зрения нужно соотносить теперь стихи, входившие когда-то в поэтические сборники 80-90-х гг., от «Монолога» до «Зимнего леса» и «Облаков времени». В предисловии к своей последней книге он объясняет смысл ее названия с автобиографической точки зрения: «Солнечные часы: бесконечная цепь прекрасных событий в моей судьбе». При этом время, как мы уже подчеркнули, для Ю. Магалифа — понятие не хронологии, истории или эпопеи, а понятие сердечное, душевное: «Меня всегда занимала связь времени с нашим сердцем. Одно не существует без другого».

Очевидно, главным «сердечным» событием для Ю. Магалифа стала встреча в Тогучине с Тamarой Федоровной, ставшей его женой. Но можно сказать, что и каждое новое стихотворение принимает теперь такое солнечное освещение, и «старое» и новое. И тогда «цепь прекрасных событий» в судьбе поэта предстает в книге как цепь прекрасных стихотворений, где каждое значимо само по себе, представляет собой законченную миниатюру, рисунок, акварель, с которой так любят сравнивать его стихи исследователи его творчества. Следует, однако, принимать в расчет и акмеистический характер поэзии Ю. Магалифа, с ее пластикой вещей и предметов, точностью численно-цифровых обозначений. Неслучайно поэт несколько раз в своих стихах вспоминает А. Ахматову, посвящая ей одно из лучших своих стихотворений «Ахматова в Париже». Любопытно отметить личный характер обращения поэта к Ахматовой: «Ваш» и «Вам», словно пишет ей письмо как своей знакомой. В целом стихотворение строится на деталях встречи поэтессы с А. Модильяни: «Вода зеленеет в замшелом пруду, / Весна и скамья в Люксембургском саду», «ветер прохладный», «дырявый зонт». И неременный числовой компонент: «Три кратких зимы, три протяжных весны».

Впервые стихотворение появилось в сборнике 1985 г. «До первых снегопадов», и его появление в «Солнечных часах» словно говорит о переключке с собственной судьбой: если Ахматовой, приехавшей «перед смертью» в Париж, «прошлое сквозь ритмию, ... / В саду Люксембургском откроется» вновь, то Ю. Магалифу перед его уходом из жизни откроется его прошлое, начиная с петербургско-ленинградского детства. И он увидит «Белую Башню» («Парк»), «прадедовскую» «цыганскую скрипку», как «бацал цыганочку на пересылке» («Кровь»), и то, как «придумал возле печки» своего «Жаконю» («Конечно смерть меня догонит...») и то, как «стихами зовет меня в город» детства и юности книга земляка Сергей Спасского. И, конечно, это перенесение в родной Петербург не могло произойти без заветной встречи: «И в Летнем саду / Меж призрачных мраморных статуй / Я встречаю Ахматову» («Июньская полночь»). В книгу не вошло стихотворение «Мост», но именно оно вспоминается здесь, когда Ю. Магалиф так уверенно наводит мост с Петербургом и гуляющей Ахматовой. Вообще, каждое стихотворение поэта — небольшой мост между ним, его душой художника и поэта и событиями его жизни. А она огромна, «необозримо многотомна», как

«огромна старая Земля». И поэтому таких «мостов» установить (написать стихов) можно было бы тысячи, если «и в ста листах не изложу, / И за сто лет не расскажу / Про год любви и заточенья», когда «я строю жизнь, как долгий мост / Между прошедшим и грядущим».

Ю. Магалиф оставил немало прекрасных стихотворений о последних годах жизни в «лесном городке» Тогучине. И остается впечатление, что «и за сто лет» он не смог бы рассказать о всех событиях хотя бы одного года той жизни. Ибо событием для него было, закусив «кусочком хлеба» с медом и молоком, «упасть среди ромашек», наблюдая за «медлительной птицей», которая «спорит с верхним ветерком» и т.д. («Маленькие радости»). Достойны отдельного стихотворения и лесостепная зелень: «Нет зелени для всех одной и той же: / Былинка, стебелек, ветла и елка / Окрашены различно...» («Традиции зеленого в природе...»), и «мокнущие старые качели» с неизбежными думами о жизненном финале («Качели»). Но если здесь поэт измеряет оставшееся ему время количеством книг «на полочке короткой», то в другом стихотворении и при другой погоде оно измеряется состоянием природы, ее весенней юностью, пусть кратковременной: «Как сверкает трава луговая! / как восторженно птицы поют! / Не спеши моя жизнь молодая, / Задержись хоть на десять минут» («Утро»). Зимнее течение жизни измеряется золотящейся под солнцем сосной и полетом «бесшумной птицы» в тишине, когда отчетливо слышится, «как стучит торопливая кровь». И это все стихи 81-летнего поэта в последние месяцы его жизни! От них остается впечатление не угасания, а пробуждения жизни, способности малейшее событие превратить в стих, как в сказку, готовности навести поэтические мосты не только с прошлым, но и с будущим. Не зря у Ю. Магалифа появляется стих, начинающийся: «Когда потом, лет этак через тридцать, / Когда пойдет мне сто девятый год...» и заканчивающийся убеждением, что ты (т.е. жена) «и в сотый раз поймешь, что там, за далью дальней / Я продолжаю жить, и помнить, и любить» («Предсказание»).

В 2018 году поэту исполняется всего лишь сто лет, а значит, впереди еще немало новых открытий и удивлений при чтении и изучении наследства Ю. Магалифа. И пусть «разница во времени» (название одноименного стихотворения) так и остается в пользу поэта: «Я давно в работе, вы еще во сне...» А значит, читателям и исследователям творчества Юрия Михайловича Магалифа,

думающим, что все в нем известно и знакомо, пора просыпаться. Ибо мир его прозы и поэзии, преодолевший пространство и время, красочный и многообразный, открыт для всех.

Владимир Николаевич ЯРАНЦЕВ

Окончил Гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, преподавал там же. Кандидат филологических наук.

Один из ведущих современных сибирских критиков. В многочисленных статьях, обзорах, рецензиях поднимает острые проблемы современного литературного процесса.

Обращается В. Яранцев и к истории сибирской литературы, о чем, в частности, свидетельствует его большое исследование о В. Зазубрине, увидевшее свет на страницах «Сибирских огней» в 2009 — 2010 гг.

Литературную деятельность В. Яранцев начал в 1966 году. Публиковался в журналах «Сибирские огни», «День и ночь», «Гуманитарные науки Сибири», в еженедельниках «Литературная газета» и «Литературная Россия».

Член Союза писателей России. Автор трех книг и статей в газетах и журналах Сибири, России, Зарубежья.

Источник: <http://bsk.nios.ru/content/yarancev-vladimir-nikolaevich-kritik-literaturoved>